

**АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВ**

**БАНДИТСКИЙ
ПЕТЕРБУРГ**

СУДЬЯ

Москва
Издательство АСТ

Часть I

СУДЬЯ

Февральские ночи в Петербурге длинные и темные. Холодный ветер бродит по пустынным улицам надменного города, швыряя в лица случайных прохожих мокрый снег. «В такие ночи хорошо быть дома, лежать на широкой кровати под толстым одеялом, прижимаясь к теплому женскому телу... А на улицах холодно и страшно. И никого, кроме бандитов и ментов, не встретишь. И еще неизвестно, кто из них страшнее». Примерно так думалось бывшему завлабу и кандидату наук, а ныне частному извозчику, медленно курсировавшему на стареньком «Москвиче» по Васильевскому острову в безнадежных поисках клиента.

На углу Малого и Детской кандидат-извозчик притормозил, чтобы «Москвич» не рассыпался на ямах и рытвинах перекрестка. Справа от машины чернело пустыми глазницами выбитых окон бывшее общежитие университета, слева начиналось Смоленское кладбище. Хоть и был бывший завлаб кандидатом очень материалистических биологических наук, но почувствовал, как суеверный страх вдруг захолодил живот. «Веселенькое место. Тут клиентов точно не будет,

кроме душ неупокоившихся», — попытался приободрить себя шуткой извозчик и вдруг оцепенел от ужаса, машинально вдавив педаль тормоза в пол. Из темноты кладбища скользнула к машине черная тень. Вымазанная землей рука стукнула в стекло.

— Подбросишь, хозяин?

— Не... не... не! — забормотал биолог, судорожно ища ногой педаль газа.

— Ты что, больной? — сказала тень хриплым, но вполне человеческим голосом. — Фильмы ужасов смотреть любишь?

— Раньше любил, пока видак не продали. Жрать-то что-то надо. Спасибо родной демократической власти. Сам дурак, ее же и выбрал, — извозчика, видимо, от пережитых волнений разобрал словесный понос. — Куда ехать-то?

Человек с кладбища уже по-хозяйски усаживался на переднее сиденье. Биолог хотел было робко возмутиться, но странный пассажир вдруг выудил из кармана смятую двадцатидолларовую бумажку и положил ее перед водителем.

— Езжай пока в центр, там определимся. — Человек устало закрыл глаза и попытался откинуться в кресле.

Вывалянного в грязи человека звали Сергеем Челищевым, и еще полгода назад он работал следователем в прокуратуре. «Неужели уже полгода прошло?» Сергей нашарил в кармане куртки сигареты, зажигалку и

закурил, не спрашивая разрешения у водителя. Как ни странно, печка в раздолбанном «Москвиче» работала на совесть, и Челищев почувствовал, как приятное тепло разливается по замерзшему телу. После зимней холодной грязи котлована в салоне старенькой машины было даже уютно.

«Да, веселые дела, что делать-то будем, дядя Сережа?» — спросил себя Челищев и открыл глаза. «Москвич» выезжал на пустынный Невский.

— Центр, — намекнул водитель, опасливо косясь на пассажира. — Куда дальше поедем?

— Подожди, браток, дай подумать, — ответил Челищев, закуривая новую сигарету. Пальцы начали дрожать в похмельном колотуне. Дрожь эта, с одной стороны, мешала сосредоточиться, а с другой — заставляла соображать быстрее. По опыту Сергей знал, что через несколько минут похмелье заявит о себе во весь голос, и тогда станет по-настоящему плохо.

«Домой я не поеду. Не могу, не сейчас. К Катерине?.. Тоже не могу, не выдержу, дел наворочу... Помнится, Доктор передал, что Антибиотик мне три дня сроку дал, чтоб появиться... Отлежаться надо, оклемяться, в себя прийти... Где бы упасть? Дожил — никого вокруг... Федосеич! Как же я сразу-то...»

— В Лугу поедем, — повернулся Челищев к притихшему извозчику.

— Куда?! Нет, это уже без меня... — начал было протестовать тот, но резко осекся, увидев извлеченные

Сергеем из недр грязных штанов две сотенные купюры бакинских¹.

— А... Я сейчас, мне только домой позвонить надо, предупредить, что...

— Иди, звони,— устало махнул рукой Челищев и, увидев нерешительность в глазах водителя, вымученно усмехнулся: — Да не бойся ты за свою «банку», кому нужна эта развалюха... Иди звони... Да, еще пива мне возьми пару банок в ларьке, а то меня совсем бо-дун забодает...

Егор Федосеевич Алексеев — в прошлом известный в Петербурге тренер по дзюдо, воспитавший не одного чемпиона. Прошел через его руки когда-то и Челищев. Федосеич любил его, выделял за прекрасную, природой подаренную технику выполнения приемов, но ставку на Сергея никогда не делал: «Злости тебе нет, а без злости чемпионами не становятся...»

Федосеич был талантлив и авторитетен, но слишком независим и чудаковат, чтобы занимать высокие посты среди чиновников от спорта. Что-то кому-то он не так сказал или даже по роже дал какому-то деятелю... Через несколько месяцев его круто подставили, завели уголовное дело по факту хищения талонов на питание спортсменов во время сборов... Сергей, уже работавший в то время в прокуратуре города, пытался помочь, но пару лет Федосеичу пришлось-таки

¹ *Бакинские* — доллары (жарг.).

потоптать зону.. Выйдя по амнистии, он из Питера уехал, обосновался на маленьком хуторке под Лугой, оставив городскую квартиру бросившей его молодой жене-теннисистке... После зоны Федосеич как-то сразу постарел; огородничал и жил отшельником. Изредка его навещали лишь самые любимые ученики, в число которых входил когда-то и Челищев...

К хибаре Федосеича «Москвич» доплелся лишь под утро, когда Сергей уже влил в себя четыре банки пива. Похмелье не отступало, сжимало липкими тисками грудь, сбивало дыхание и лихорадочно потряхивало все тело. Челищев еле вылез из машины, которая, тут же развернувшись, торопливо затарахтела в обратный путь...

Федосеич открыл дверь сразу, словно всю ночь поджидал Сергея. Спокойно осмотрев Челищева с головы до ног, старый тренер угрюмо поинтересовался:

— Давно запил?

Сергей измученно мотнул головой и вытер со лба испарину:

— Не помню, давно... Дней пять... или шесть.

Старик крякнул, осмотрел еще раз одежду Челищева и буркнул:

— Сымай! До исподнего раздевайся и на диван ложись, пледом укройся...

Сергей бросил одежду грязным комом у порога и со стоном опустился на старенький диван. Федосеич пошуровал в шкафу, вытащил бутылку, налил полстакана.

— Пей залпом. А то загнешься еще, пока я баню истоплю и все остальное приготовлю.

Челищев выпил. Это была спиртовая настойка с каким-то необычным привкусом, но разобраться в своих ощущениях до конца Сергей уже не смог, потому что впал в странный полутранс-полусон... Остатками сознания Сергей как-то реагировал на то, что Федосеич отнес его на руках в баню, потом заставил выпить большую кружку какого-то травяного варева, от которого Челищева долго выворачивало наизнанку, потом старик парил его и снова заставлял что-то пить. Последнее, что запомнил Челищев перед тем как окончательно провалиться в забытие,— это как Федосеич расспрашивал его, а он, еле ворочая языком, отвечал... Потом глаза старика стали расти, надвинулись на Сергея, и он утонул, растворился в них...

Он проснулся с абсолютно ясной головой, но руки и ноги были совершенно ватными, слабыми, как у новорожденного.

Челищев повернул голову и встретился глазами с Федосеи-чем, сидевшим за столом и прихлебывавшим чай из большой кружки.

— Ну что, жив, охламон?

— Еще не знаю,— честно ответил Сергей, ощупывая себя непослушными руками. На Челищеве было надето старенькое, но чистое армейское бязевое белье, но когда его передевал Федосеич — Сергей не помнил.

— Какой сегодня день? Сколько я проспал?

Старик фыркнул в кружку.

— Продрых ты ровно сутки. Хорошо — вовремя приехал. Еще бы немного попил, и — привет горячий... Мог бы запросто ласты склеить. Ладно, давай к столу, алкашенок...

Челищев откинул старый плед, поднялся с дивана и сам не понял, как очутился на дощатом полу — ноги не держали напрочь.

Федосеич даже не переменил позы — продолжал прихлебывать чай.

— Молодец, страховку еще помнишь, в падении группируешься правильно... Чего разлегся-то?.. К столу давай. Идти не можешь — ползи... Меньше себя жалея, больше думай о том, что сделать надо...

Сергей заскрипел зубами и на четвереньках пополз к столу. Пока он вскарабкивался на скамью, старик налил огромную керамическую кружку какого-то горячего отвара.

— Пей. Как допьешь — гулять тебя поведу. Сам себя будешь выхаживать...

От травяного отвара Челищева пробил горячий пот.

— Мне завтра назад в Питер надо. Желательно в человеческом виде.

— Завтра? Жаль, еще бы пару денечков, ты бы у меня совсем огурцом стал... Ну завтра так завтра... Погуляем сейчас, потом поешь и снова спать будешь. А травки из тебя всю дурь выдают. Расслабься сейчас, потом думать будешь.

Федосеич выгуливал Сергея целый день, отвлекал от черных мыслей разговорами, рассказывал разные смешные случаи из своей тренерской практики. Словно по взаимному уговору, они не касались причин, приведших Челищева на хутор в таком скотском состоянии... К вечеру пошел снег. Огромными мокрыми шапками он налипал на ветви деревьев в саду, гнул их к земле... Старик перехватил взгляд Сергея на заснеженные деревья и спросил:

— Ничего это не напоминает тебе, Сережа?

— Нет. А что? — встрепенулся Челищев.

Федосеич помолчал, покачал головой укоризненно.

— Да, многое ты подзабыл... Основной принцип дзюдо был когда-то открыт человеком, который вот так же смотрел на заснеженные деревья. Снег гнет ветки, и, чтобы не сломаться под тяжестью, им нужно склониться до самой земли. Тогда снег сам соскользнет, а ветки распрямятся... Силу противника нужно использовать против него же.

— А если противников слишком много?

— Слишком много — как раз не очень страшно: они обязательно будут мешать друг другу. Тебе же нужно лишь сделать правильный отсчет своих движений. Побеждает не тот, кто самый сильный, а тот, кто правильно концентрирует свои силы в нужном направлении...

— Знать бы это направление,— невесело усмехнулся Сергей.

— Это знание живет в тебе, постарайся услышать его... Оно заложено в каждом человеке, но большинство не желает с ним считаться...

Помолчали. Покачивающиеся на ветру заснеженные ветки заворачивали Сергея, словно гипнотизировали. В шелесте снега и свисте ветра слышались какие-то знакомые голоса...

— Пойду баню топить, а там — поужинаем да и спать пораньше ляжем,— голос Федосеича вывел Челищева из оцепенения, и он тряхнул головой:

— Егор Федосеич... Я вчера вам что-нибудь рассказывал?... Ну, такое, не совсем обычное?..

Старик усмехнулся:

— Да уж наговорил — три вагона арестантов... Не знаю даже — верить ли, или бредил ты... На антибиотик какой-то жаловался... Ты что, водку еще и таблетками какими-то заедал?

Сергей опустил глаза:

— Нет. Антибиотик — это человек такой, точнее — нелюдь. Я... Вы лучше забудьте все, что я говорил... Мог сболтнуть что-нибудь, что вам беду принесет.

Федосеич нахмурил брови:

— Ты, Сережа, за меня не решай, что мне лучше... И страшать меня не надо, поздно уже. Я все свое давно отбоялся, оттого и покой в душе обрел. Болтливостью я и смолоду не отличался, а расспросить тебя вчера должен был — мы давно не виделись, и я понять хотел, что за человек ко мне пришел.

— Ну и что за человек, каково заключение? — попытался иронизировать Челищев.

— Человек пока что... Раз душа болит... Не жалел ты, видно, душу-то свою, всю ее поранил... Ладно, пойду баню топить... За ужином поговорим, если захочешь...

После бани Сергея совсем разморило, он размяк и вдруг, неожиданно для самого себя, начал рассказывать Федосеичу все свои злключения — подробно и без прикрас... Старик слушал, не перебивая, лишь изредка прихлебывал из кружки остывший чай. Потом они долго сидели молча, пока наконец Сергей не поднял голову:

— Что мне теперь делать-то, а, Федосеич?

Старый тренер посопел в кружку, потом взглянул Челищеву прямо в глаза.

— Это ты сам решить должен, Сережа. Только сам, и никак иначе... Одно только скажу: жизнь никогда не захлопнет за тобой одну дверь, не открыв другую... Думай, Сережа, думай... А сейчас — пошли спать. Завтра тебе вставать рано, если днем в Питере хочешь быть.

Утром Федосеич отдал Челищеву выстиранную и выглаженную одежду и подвез его на мотоцикле в Лугу.

— Ну с Богом, сынок... Я в тебя верю, ты — хороший парень, переможешь беду и себя обретешь. Меня знаешь как найти, всегда тебе рад буду. Береги себя.

Они обнялись, и Сергей, не оглядываясь, пошел на вокзал...

Днем он уже был в Питере и сразу начал искать Виктора Палыча. Антибиотик словно ждал его звонка — сидел в кабинете «У Степаныча». Особой радости, услышав голос Сергея, он не выказал и добрым дедушкой не прикидывался.

— Нашлась пропажа? Нагулялся?

— Да я, как сказали,— Доктор передавал, чтоб через три дня...— начал оправдываться Челищев, но Антибиотик перебил его:

— Ладно. Потом переговорим. Подходи к восьми вечера на угол Энгельса и Луначарского — там такой длинный дом стоит. Ко второй парадной подходи, тебя встретят и ко мне проведут. Все.

Антибиотик повесил трубку. Сергей поехал домой — переодеться и умыться с дороги. У подъезда хозяина дождался его «вольво». Сергей погладил машину по заснеженному крылу:

— Хорошая ты моя... Смотри-ка, дождалась, не угнали тебя, на части не растащили.

С поднявшимся настроением он вошел в квартиру, долго прибирался, вытирал скопившуюся пыль, потом тщательно побрился, вымылся, надел чистую рубашку и незаметно для себя задремал в кресле. За час до назначенного Антибиотиком времени Сергей проснулся, потянулся, радуясь возвращающейся в тело силе, смастерил себе на скорую руку чашку кофе и отбыл.

«Странное место выбрал Виктор Палыч для разговора, — думал Челищев по дороге. — Интересно, почему к Степанычу не пригласил? Конспиративную хату завел, наверное...»

Двор огромного П-образного дома, стоявшего на углу Энгельса и Луначарского, был пустым и темным. Сергей вышел из машины и, не торопясь, пошел ко второму подъезду. Он не оглядывался, поэтому не заметил, как скользнули за ним три тени. Они бесшумно настигли Челищева, и внезапно Сергей ощутил, что на него сзади напялили грубый длинный мешок, через который в грудь уперлось острое лезвие:

— Жить хочешь?! Тиха будь!

На руках Сергея шелкнули наручники, и его, придерживая с двух сторон, куда-то быстро повели. Взревел мотор автомобиля, чьи-то руки нагнули Челищеву голову, а потом толкнули в спину. Он упал на заднее сиденье автомобиля, и почти сразу его перекатали на пол. Невидимки сели в машину. Те, кто устроились сзади, поставили ноги на Сергея и на всякий случай кольнули его ножом.

— Тиха, тиха...

Машина рванулась вперед. Сергей попытался устроиться поудобнее и сразу же заработал пинок каблуком под ребра:

— Тиха, би-илять, скимаузе!¹

¹ *Скимаузе* — грубое табасаранское выражение. *Табасаране* (табасаранцы) — народность в Дагестане.

Волна липкого страха накрыла Челищева, но он попытался сосредоточиться и просчитать ситуацию.

«Кто это? На милицию не похоже. Совсем не похоже... Комитет? Им такой цирк зачем? Говорили с кавказским акцентом... Кто? Гурген? Зачем? Мы расстались нормально... Чечены? Зачем?! Кто знал, что я здесь буду? Антибиотик... Но могли и от дома вести. Куда везут? Спокойно, спокойно... Если просто замочить хотели — уже грохнули бы... Значит, разговаривать будут... Кто?»

Машина шла на приличной скорости, и Сергей догадался, что его вывозят за город. После резкого поворота налево дорога стала хуже, ухабы и ямы заставили похитителей снизить скорость. Машина сделала еще несколько поворотов и остановилась. Челищева грубо вытащили и, толкая в спину, заставили идти. Терпкий запах навоза, пробивавшийся даже через плотный мешок, вызвал у Сергея предположение, что он находится на какой-то ферме. Его втокнули в теплое помещение, щелкнули ключом наручников, но только для того, чтобы, надев на каждое запястье по отдельному браслету, приковать его руки к стулу.. Челищева, похоже, оставили одного. Хлопнула дверь, и с улицы отдаленно донесся чей-то голос, говоривший на незнакомом гортанном языке... Снова хлопнула дверь, вошедший зажег свет, а потом сдернул с Сергея мешок.

Сергей огляделся. К своему удивлению, он обнаружил, что сидит прикованным к стулу в чистой